

А. Н. САВЧЕНКО

КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА В СЛАВЯНСКИХ И БАЛТИЙСКИХ ЯЗЫКАХ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Категория залога в славянских языках имеет настолько нечеткий, даже запутанный характер, что возникли самые различные ее толкования. По их разнообразию, в особенности — в русском языкознании, можно составить себе ясное представление о сложности этой проблемы. Так, М. В. Ломоносов, под влиянием грамматики М. Смотрицкого, выдвинул концепцию шести залогов в русском языке (действительного, страдательного, среднего, возвратного, взаимного и общего), в которой самыми основными провозглашены действительный и страдательный залогов. Эта классификация, в которой объединены в понятие залога весьма различные явления, просуществовала, с теми или иными видоизменениями, до конца XIX в., когда появилась статья Ф. Ф. Фортунатова „О залогах русского глагола“ (1899), в которой были отвергнуты все признававшиеся тогда залогов и было выдвинуто утверждение о существовании в русском языке только возвратного и невозвратного залогов. Эта концепция не могла удовлетворить лингвистов (ее поддержал только А. М. Пешковский), потому что она полностью расходится с тем, что принято понимать под залогов в других языках. Стали появляться различные другие толкования. А. А. Шахматов выдвинул теорию трех залогов — действительного, страдательного и возвратного (который называл также средним), и ее впоследствии поддержал в основном В. В. Виноградов в коллективной „Грамматике русского языка“ (1954), добавив, что категория залога свойственна только переходным глаголам. А. Б. Шапиро утверждал, что в русском языке глагол имеет два залогов — переходный и непереходный, причем каждый из них состоит из форм, образованных от противоположного залога, и из форм, не образованных от противоположного залога¹. Хотя эта концепция полностью расходится с общепринятым понятием залога, она нашла себе нескольких сторонников. В коллективной „Русской грамматике“ Института русского языка АН СССР (1980) признаются только действительный и страдательный залогов, но к действительному относятся, наряду с переходными

¹ Шапиро А. Б. О залогах в современном русском языке // Уч. зап. Московск. гор. пединститута, кафедра русского языка. 1941. Т. 5. Вып. 1.

глаголами, и все непереходные, так что категория залога оказывается свойством всех глаголов без исключения. Ясная и вполне обоснованная характеристика этой категории может быть выработана лишь при сравнении с соответствующими грамматическими явлениями других индоевропейских языков, в первую очередь — балтийских.

В балтийских языках залогов имеют вполне отчетливый характер, но здесь они, в отличие от других индоевропейских языков, ограничены пределами причастия, что также требует сравнительного и исторического объяснения.

В балтийских языках совершенно явно выделяются два залога — действительный (актив) и страдательный (пассив). Такие же залогов с полным основанием признаются и в других индоевропейских языках. И в славянских языках действительный и страдательный залогов явно противопоставлены в области причастия. Следовательно, именно эти явления правомерно считать залогов и в славянских языках, потому что нельзя обозначать одним и тем же термином явления, различные в разных языках, а тем более — различные в одном и том же языке (в области глаголов и причастий). Возвратные же формы (не употребляемые в страдательном значении) не соотносятся с оппозицией актива—пассива и не могут быть признаны залогом. Что же касается переходных и непереходных глаголов, то они не имеют формальных показателей и, следовательно, не являются грамматическими категориями, а представляют собой две группы глаголов, различающиеся по характеру лексических значений и по синтаксическому свойству. Залогов являются принадлежностью только переходных глаголов, потому что в непереходных не может быть противопоставления актива—пассива, а без противопоставления не может быть и грамматической категории.

В индоевропейских языках залогов образовались прежде всего в причастиях. Старейшими причастиями в праиндоевропейском являются действительное с суффиксом **-nt* и страдательные на **-to* и **-no*. Причастие на **-nt* есть почти во всех индоевропейских языках, включая хетто-лувийские, следовательно — существует в праиндоевропейском с ранней эпохи. Факты хеттского языка показывают, что до отделения хетто-лувийского диалекта оно не имело еще залогового значения, но после отделения его, как свидетельствуют все остальные индоевропейские языки, получило уже активное значение.

Причастия (точнее — отглагольные прилагательные) на **-to* и **-no* довольно широко распространены в индоевропейских языках и, несомненно, возникли еще в праязыке. Во всех языках, где они есть, они имеют пассивное значение; очевидно, что таким было их значение и в праязыке.

Это, правда, еще не означает существования залогов в праязыке, поскольку нет основания предполагать в нем существование страдательной конст-

рукции предложения. В санскрите причастие на *-ta* еще образуется от некоторых непереходных глаголов (напр., *gatas* „пошел“) и в этих случаях не имеет страдательного значения. По-видимому, причастие на **-nt* имело значение активного действия, а формы на **-to* и **-no* — значение состояния. Но это была та база, на которой в дальнейшем (в основном, в истории отдельных языков) формировались залого.

Действительное причастие на **-uos/us* есть только в восточной части индоевропейских языков — в индоиранском, греческом, славянском, балтийском и, по-видимому, в праязыке было новообразованием определенной диалектной зоны, а медиальное причастие с суффиксом **-mo* (и сложным суффиксом **-meno*) есть в тех же языках плюс итальянский.

Общеиндоевропейские причастия возникли до того, как сформировалась категория времени. Корень в них обозначал действие, а суффикс — атрибутивное отношение к субъекту. В ходе развития суффикс **-nt* стал обозначать действие как делящийся признак, а суффиксы **-to* и **-no* получили значение атрибутивного признака, возникшего в результате действия, т. е. значение состояния.

В дальнейшем категория залога стала пополняться также за счет развития страдательного значения в меди, но это происходило уже целиком в истории отдельных индоевропейских языков и в каждом по-своему. Медий образовался на стадии перехода праиндоевропейского языка от активного строя к номинативному, на базе категории нецентробежности действия, характерной для языков активного строя, и носит явно пережиточный характер. Какой-либо склонности к страдательному значению в праязыке он не имел. Впоследствии в некоторых языках он получил страдательное значение и включился в категорию залога, но в ряде других языков исчез.

В прибалтийском и праславянском медий также существовал, о чем свидетельствуют, с одной стороны, пережитки его форм, с другой — общность значений медия и сменивших его сочетаний глагольных форм с возвратным местоимением в дативе или аккузативе². Вытеснение медия возвратной формой было общим процессом в балтийском и славянском, но с тем различием, что в балтийском возвратная форма унаследовала все значения медия, за исключением страдательного, а в славянском — все значения медия, включая страдательное, но за исключением косвенно-возвратного („для себя“). Впрочем, первоначально в праславянском было и это значение, о чем свидетельствует, во-первых, тот факт, что показателем возвратной формы был не только аккузатив возвратного местоимения *se*, но и датив *si*. Последняя

² См.: Савченко А. Н. К вопросу о генетических связях балтийских языков с другими индоевропейскими // *Baltistica. I priedas. Vilnius, 1972. P. 154—158.*

форма в старославянских и древнерусских письменных памятниках употреблялась в глаголах эмоционального состояния, а в настоящее время распространена (без каких-либо лексических ограничений) во многих русских говорах, как северных, так и южных³, в западных говорах украинского языка, в чешском и словацком языках, в болгарском, в кайкавских говорах сербохорватского языка и в словенском⁴. Во-вторых, наличие в праславянском косвенно-возвратного значения в возвратной форме свидетельствуется некоторыми случаями употребления в древнерусских памятниках и в северном фольклоре возвратного глагола с прямым дополнением, выражающего действие, совершаемое в том или ином отношении к субъекту: *никъто же оубо еи оуже акы законьную женоу приблизити ся хотяше* (Усп. сб., 422 в); *эту дочерь жоних стал свататься* (Сев. ск. Ончук., 102); *приехали розбойники свататьця к купцу дочерь* (там же, 58); *баймацьки схватилась* (там же, 240); а также: *отступилъ ти ся треть Москвы* (Дух. и дог. грам. XIV—XVI вв., 37); *что ми ся отступилъ Дмитровъ* (там же, 103); *двѣ тысяци рублевъ отступися имъ* (Патр. или Ник. лет., XII—XIII, 7); *Черкасы и Каневъ велѣл королю отступитца* (там же, 286); *отступился есми и продалъ тѣ свои поженки* (Сб. грамот Кол. экономики, I, 199); *продалъ есми и отступился... варницу свою* (там же, 787); *отдали есми и отступились ... доли свои огорода* (там же, II, 277); *отступился ... вотчинныи свои двѣ поженки* (там же, II, 624—625) и др.⁵ Однако в славянском это значение возвратной формы не распространилось и постепенно исчезло.

Такое различие между балтийским и славянским, вначале — несущественное, привело к существенному различию в категории залога: в балтийских языках возвратная форма не связалась с залогом, и залог выражается только причастиями, причем не только страдательными, как в некоторых других языках, но и действительными. А в славянских возвратная форма, получив также страдательное значение, этим значением вклинилась в категорию залога, в то время как остальные значения ее остались вне залога, и возникла путаница между залогом и возвратностью.

Тот факт, что в балтийских языках залог ограничен областью причастий, имеет важное значение для понимания сущности глагола и причастия. Причастие связано с глаголом своим лексическим значением действия или состояния, но расходится с ним в своем грамматическом значении. Грамматическое значение глагола состоит в том, что действие или состояние представляется

³ Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1963. С. 70 и след.

⁴ Гавранек Б. Залог в старославянском языке в сравнительном плане // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. С. 29—34.

⁵ См.: Крысько В. Б. Транзитивные косвенно-возвратные глаголы в истории русского языка // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1984. С. 52—56.

как предикативный признак предмета, вследствие чего глагол обладает предикативными грамматическими категориями модальности, времени и лица. В причастии же действие или состояние представляется как атрибутивный признак предмета, вследствие чего причастие обладает непредикативными, именными, согласовательными категориями рода, падежа и числа.

Распространено мнение, что категория времени свойственна и причастию. Однако то, что в этих случаях имеется в виду, по существу представляет собой лишь некоторое подобие грамматического времени, а во многих языках и это подобие отсутствует.

В грамматиках литовского языка в причастиях, как действительных, так и страдательных, выделяются формы настоящего и прошедшего времени. Однако причастия действительного залога, именуемые формами настоящего времени, в подавляющем большинстве случаев выражают постоянный признак предмета, а действительные причастия, относимые к прошедшему времени, — признак, возникший в результате действия. Еще более последовательно такое соотношение значений проявляется в причастиях страдательного залога, в которых уже совсем отсутствует противопоставление по времени. В латышском языке действительное причастие настоящего времени также в большей части выражает постоянный признак предмета. В большей степени присутствует временное значение в действительном причастии прошедшего времени. Но в причастиях страдательных противопоставления по значению времени нет: относимые к настоящему времени выражают в основном возможный, невозможный или необходимый признак предмета, а связываемые с прошедшим — признак, возникший в результате действия. В русском языке действительные причастия различаются по времени, но они являются наследием церковнославянского и ограничены областью литературного языка, а в народных говорах есть только причастия страдательные, причем форма настоящего времени сохранилась только в отдельных случаях безличного употребления (*знамо, ведомо, вестимо, видимо-невидимо* и др.) и адъективного (*любимый, видимый, родимый, знакомый* и др.), а широко употребительны только причастия на *-н, -т (сделанный, шитый)*, выражающие признак, возникший в результате действия. Подобное положение — и в украинском языке (здесь действительные причастия заимствуются в литературный язык из русского). В польском языке есть только действительное причастие на **-ont > > ас* и страдательное на **-n-* и **-t-*, которые противопоставляются не по значению времени. В чешском и болгарском языках есть только страдательные причастия, которые не имеют временного значения. В германских языках с древности существуют два причастия, которые восходят к индоевропейским

причастиям на **-nt* и на **-to*; они противопоставляются по значению залога, но не времени.

Причастия, как и всякие имена, могут выражать и предикативный признак, если сочетаются со связкой (хотя бы нулевой). Во многих языках страдательные причастия являются основным (а в некоторых — единственным) средством выражения страдательного значения в глаголе. В этих языках страдательное причастие со связкой противопоставляется спрягаемым формам глагола как действительному залогу и нередко в них возникают те или иные формальные особенности (напр., в русском языке причастие в этих случаях употребляется, как правило, в именной форме, а не в местоименной; в немецком языке оно сочетается со связкой *werden*). Тогда связка становится вспомогательным глаголом и все сочетание — сложной (аналитической) формой глагола.

В балтийских языках глагол не имеет форм залога, хотя бы аналитических. В латышском языке страдательные причастия в предикативном употреблении не противостоят личным формам глагола как действительному залогу, а выражают только пассивное состояние субъекта. Так, предложение с переходным глаголом, субъектом действия и прямым объектом нельзя преобразовать в страдательную конструкцию, потому что последняя применяется в тех случаях, когда субъект действия не выражен в предложении. Действительные причастия возможны также в предикативном употреблении (в сочетании со связкой), но они от этого не становятся аналитическими глагольными формами, а остаются причастиями.

В литовском языке как страдательные причастия, так и действительные, обладают свойством не только атрибутивного употребления, но и предикативного (при отсутствии связки). При этом страдательные причастия употребляются в предложениях, выражающих факты, услышанные от других, неточно известные или сомнительные, а также события, возникшие неожиданно, вызывающие удивление или другие чувства. Действительные причастия употребляются предикативно обычно в таких же случаях, и есть все основания полагать, что страдательные причастия противопоставляются не личным формам глагола, а только действительным причастиям, которые никак не могут быть признаны аналитическими формами глагола. Страдательные причастия употребляются предикативно большей частью в среднем роде, и в этих случаях они часто теряют страдательное значение и образуются как от переходных глаголов, так и от непереходных. Эти факты со всей наглядностью свидетельствуют о том, что предикативно употребляемые страдательные причастия в литовском языке не противостоят личным формам глагола как аналитиче-

ское средство выражения страдательного залога в глаголе. Залог является отличительным признаком причастия, но не глагола.

Тот факт, что категория залога в праиндоевропейском языке зарождалась только в причастиях и эту свою связь с причастием залог сохранил в балтийских языках, является дополнительным доказательством той истины, что причастия представляют собой не глагольные формы, а особый лексико-грамматический класс слов, промежуточный между глаголом и прилагательным, к которому может быть применен и термин „часть речи“. Промежуточный характер причастия не опровергает статуса его как части речи, потому что есть и другие части речи промежуточные: числительное (между существительным и прилагательным) и предикативное наречие, именуемое иначе категорией состояния (между наречием и глаголом).

Изложенные факты позволяют сделать вывод также об определенном этапе контактов между праславянским и прабалтийским языками. В. В. Мартынов установил с полной убедительностью, что после весьма древней эпохи интенсивного взаимодействия между праславянским и прабалтийским (причем он даже трактует праславянский как обособившийся диалект прабалтийского, что, впрочем, может вызвать возражения ввиду коренных различий в грамматических системах глагола и в части лексических фондов обоих языков), наступила эпоха контактов праславянского с праиталийским⁶. К древнейшей эпохе балто-славянского языкового взаимодействия относится, по всем данным, совпадение в обоих языках звонких придыхательных согласных с простыми звонкими, вследствие [чего] [противопоставление трех рядов (глухие — звонкие — придыхательные)] сменилось противопоставлением двух рядов (глухие — звонкие); устранение оппозиции лабиализованных и нелабиализованных заднеязычных; изменение *s* после *i*, *u*, *r*, *k*; переход краткого *o* в *a*; выработка общности в грамматических системах имени, в местоимениях и значительной части словарного состава. Но после эпохи славяно-италийского взаимодействия наступила вторая эпоха балто-славянского сближения. К этой эпохе можно отнести образование из слогаобразующих плавных согласных сочетаний *ur*, *ir*, *ul*, *il*; возникновение возвратных форм глагола, образование местоименных форм прилагательных и более поздние лексические проникновения из балтийского в славянский и наоборот.

⁶ Мартынов В. В. Язык в пространстве и времени. К проблеме этногенеза славян. М., 1983. Он же. Глоттогенез славян. Опыт верификации в компаративистике // ВЯ. 1985, № 6.